Science for Education Today

2026. Том 16. № 5 http://sciforedu.ru ISSN 2658-6762

УДК 316.7+94(571.13)+37.017.4
DOI: 10.15293/2658-6762.2605.05

Научная статья / Research Full Article
Язык статьи: русский / Article language: Russian

Историческая память, региональная идентичность и мотивация к изучению локальной истории: эмпирическое исследование

О. В. Фрик[1]

[1] Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Проблема и цель. *В статье рассматривается проблема недостаточной изученности соотношения личностно-эмоциональных и институциональных факторов мотивации к изучению локальной истории у студентов негуманитарного профиля. Цель – выявить структуру исторических представлений, источники знаний и мотивационные факторы, определяющие интерес к локальной истории и специфику региональной идентичности.*

Методология. *Проведен анонимный онлайн-опрос на платформе Yandex Forms (октябрь 2025 – март 2026). Участвовали 268 студентов 1–2 курсов Омского государственного аграрного университета, указавших Омск как малую родину. Применены описательная статистика, корреляционный анализ Спирмена, контент-анализ.*

Результаты. *Установлено, что 72,9 % респондентов хотели бы расширить знания об истории города, но устойчивый личный интерес проявляют лишь 11,8 %. Основные источники информации – семья (54,1 %) и занятия в вузе (51,2 %). Наиболее узнаваемые события – основание Омской крепости (85,1 %) и эвакуация предприятий в годы Великой Отечественной войны (70,3 %); среди личностей лидируют Ф. М. Достоевский (80,3 %) и А. В. Колчак (70,1 %). Главный символ – Омская крепость (60,1 %). Корреляционный анализ выявил сильные положительные связи между желанием углубить знания и личным интересом ($\rho = 0{,}65$, $p < 0{,}01$), а также чувством сопричастности ($\rho = 0{,}58$, $p < 0{,}01$). Оценка образовательной среды коррелирует с интересом ($\rho = 0{,}52$, $p < 0{,}01$), но значительно слабее – с мотивацией к познанию ($\rho = 0{,}25$, $p < 0{,}05$).*

Заключение. *Личностно-эмоциональные факторы играют ведущую роль в мотивации к изучению локальной истории, институциональные – вспомогательную. Зафиксирован феномен «латентной мотивации»: студенты декларируют готовность узнавать новое, но не проявляют активности. Предложены практические шаги по переформатированию преподавания краеведения в сторону персонализации, эмоциональной насыщенности и проектно-исследовательских форматов.*

Ключевые слова: *историческая память; региональная идентичность; мотивация; краеведение; студенты; аграрный университет; Омск; корреляционный анализ; образовательная среда; личный интерес.*

Библиографическая ссылка: Фрик О. В. Историческая память, региональная идентичность и мотивация к изучению локальной истории: эмпирическое исследование // Science for Education Today. – 2026. – Т. 16, № 5. – С. 87–106. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2605.05

Автор для корреспонденции: О. В. Фрик, ov.frik@omgau.org

© О. В. Фрик, 2026

© 2011–2026 Science for Education Today **Все права защищены**

Постановка проблемы

В настоящее время изучение регионального историко-культурного наследия в системе высшего образования перестает восприниматься как второстепенная дисциплина и все чаще трактуется как важный элемент общекультурной подготовки специалистов, а также как инструмент укрепления гражданской идентичности и патриотического мировоззрения. Данные тенденции обусловлены как обновлением федеральных государственных образовательных стандартов, так и введением курса «Основы российской государственности», имеющего ярко выраженную мировоззренческую направленность. Вместе с тем на практике нередко складывается ситуация, когда студенты воспринимают краеведческий материал формально, без эмоционального отклика. В связи с этим возникает принципиальный вопрос: какие именно механизмы способны трансформировать региональную историю из обязательного учебного элемента в личностно значимый опыт? До настоящего момента остается не вполне ясным, что оказывает более сильное мотивирующее воздействие на студентов негуманитарных специальностей – внутренняя увлеченность, эмоциональная привязанность к месту проживания или же простое наличие краеведческой составляющей в учебных планах. Решение данного вопроса требует междисциплинарного подхода, объединяющего исторические, социологические и психологические методы анализа.

В силу комплексного характера настоящего исследования обзор научных трудов целесообразно структурировать по нескольким тематическим блокам.

Первый блок образуют классические работы, посвященные коллективной и культурной памяти. В трудах М. Хальбвакса с соавт. (M. Halbwachs, L. A. Coser [12]) обоснована социальная природа памяти, П. Нора (P. Nora [16]) ввел понятие «мест памяти», а Я. Ассман[1] предложил разграничение коммуникативной и культурной памяти. Методологические сложности эмпирического изучения коллективной памяти были представлены в работах В. Канштайнера (W. Kansteiner [13]), А. Конфино (A. Confino [9]), Б. Мизтал[2] и А. Эрль (A. Erll [10]), а также Дж. Вертша (J. V. Wertsch [21]), которые акцентировали социальный контекст исторической памяти.

Второй блок связан с теориями национальной и региональной идентичности. Э. Смит[3] и В. А. Тишков[4] заложили фундамент для понимания идентичности как динамичного социального конструкта, а Дж. Гиллис[5] продемонстрировал роль коммеморативных практик в ее воспроизводстве. В последние годы активно разрабатываются вопросы региональной идентичности в контексте обра-

[1] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с. URL: https://elibrary.ru/QOVTZJ

[2] Misztal B. A. Theories of Social Remembering. – Maidenhead: Open University Press, 2003. – 176 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/27247065_Theories_of_Social_Remembering

[3] Smith A. D. National Identity. – London: Penguin Books, 1991. – 227 p. URL: https://archive.org/details/nationalidentity0000smit

[4] Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН "Издательство "Наука", 2003. – 544 с. URL: https://elibrary.ru/RAOEBN

[5] Gillis J. R. (ed.) Commemorations: The Politics of National Identity. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 312 p.

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

зовательной политики и культурного разнообразия (Московиц (H. Moscovitz [17]); дель Кармен Мендес Гарсия и Корес-Бильбао (M C. Méndez-García, E. Cores-Bilbao [11]); Н. А. Ильинова с соавт.[6]). Применительно к Сибири проблемы управляемой колонизации, социальной географии Гражданской войны и эвакуационных процессов рассмотрены в работах Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского[7] и С. В. Новикова [6]. Эти труды создают необходимый исторический контекст для осмысления того, как локальное прошлое может становиться ресурсом идентификационных стратегий.

Третий блок представляют современные подходы к историческому сознанию и преподаванию истории. С. Вайнбург[8], К. Бартон и Л. Лефстик[9] обосновывают необходимость перехода от простой трансляции фактов к развитию критического мышления и формированию личностного отношения к прошлому. Б. ВанСледрайт[10], а также С. Левеск и Ж.-П. Крото (S. Lévesque, J.-P. Croteau [15]) подчеркивают значимость нарратива и памяти в образовательном процессе. В новейших публикациях И. Сакки (I. Sakki [19]) анализирует влияние школьных учебников на коллективную память, а Д. Бентровато и Н. Мойо (D. Bentrovato, N. Moyo [8]) показывают сложности взаимодействия учителей с предписанными национальными нарративами в постколониальных обществах. Указанные теоретические разработки дополняются эмпирическими исследованиями молодежной исторической памяти (Кравацек и Фрисс (F. Krawatzek, N. Friess [14]); Попа (N. Popa [18]). Однако в большинстве из них фокус смещен на общенациональный или этнический уровень, тогда как локальная история в негуманитарной аудитории остается недостаточно изученной.

Четвертый блок охватывает педагогические аспекты краеведения и мотивации. В российской дидактике накоплен значительный опыт организации краеведческой работы в вузе (Е. В. Барышева и др. [1]; Н. С. Некрасова[11]; Л. И. Келлер[12]; Т. Л. Блинова и А. М. Квернадзе [2]). Методы формирования познавательного интереса рассматриваются в

[6] Ильинова Н. А., Киреева И. В., Куква Е. С., Шадже А. Ю. Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 173-176. URL: https://elibrary.ru/sbpsgg

[7] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов – Новосибирск: ИД "Сова", 2005. – 196 с. URL: https://elibrary.ru/tgjwzn

[8] Wineburg S. Historical Thinking and Other Unnatural Acts: Charting the Future of Teaching the Past. – Philadelphia: Temple University Press, 2001. – 256 p.

[9] Barton K. C., Levstik L. S. Teaching History for the Common Good. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – 288 p.

[10] VanSledright B. A. The Challenge of Rethinking History Education: On Practices, Theories, and Policy. – New York: Routledge, 2020. – 264 p. URL: https://www.routledge.com/The-Challenge-of-Rethinking-History-Education-On-Practices-Theories-and-Policy/VanSledright/p/book/9780415873796

[11] Некрасова Н. С. Краеведение как системообразующий образовательный фактор в формировании региональной идентичности // Образование и качество жизни. – 2024. – № 2 (36). – С. 29-33. URL: https://elibrary.ru/miblcz

[12] Келлер Л. И. Историческое краеведение в деятельности высших учебных заведений во второй половине 1980-х - 2010-х гг.: к историографии проблемы // Омские научные чтения : Материалы VII Всероссийской научной конференции: в 2 ч., Омск, 30 января – 28 2025 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2025. – С. 86-92. URL: https://elibrary.ru/ckurkv

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

работах Ахмадовой с соавторами[13], а психологические механизмы учебной мотивации анализируются Е. С. Ермаковой [3], А. А. Никитиной и Е. В. Павловой [5]. Важные аспекты взаимосвязи исторической памяти и региональной идентичности обсуждаются в дискуссиях Т. Г. Мерзляковой с соавторами [4], а также в статье О. Б. Леонтьевой и Л. П. Репиной[14] о «мемориальном повороте» в российской исторической науке. Е. А. Полякова и А. А. Сухарева [7] исследуют роль малых музеев в формировании региональной идентичности, что перекликается с нашей задачей активизации внеаудиторных форм занятий. Наконец, П. Пернантах с соавт. (Asril, Ahmal, Nurdiansyah, P. S. Pernantah [20]) в недавней публикации обосновывает важность «возвращения» локальной истории для развития исторического сознания, что созвучно нашим выводам о необходимости обновления методик преподавания.

Таким образом, при наличии обширной теоретико-эмпирической базы остается малоизученным вопрос о том, какие именно факторы – личностно-эмоциональные или институциональные – в большей степени определяют мотивацию студентов технических и сельскохозяйственных направлений к углубленному изучению локальной истории. Большинство существующих работ либо носят описательный характер, либо не используют корреляционные методы для количественной оценки вклада различных переменных. Кроме того, феномен «латентной мотивации» (высокая декларируемая готовность к познанию при низкой реальной активности) ранее не фиксировался в контексте негуманитарного вуза. Указанные пробелы обусловливают актуальность предпринятого исследования.

Главная исследовательская цель данной работы – выявить структуру исторических представлений, источники знаний и мотивационные факторы, определяющие интерес к локальной истории и специфику региональной идентичности.

Методология исследования

Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода, интегрирующего историко-культурный, социологический и психологический аспекты изучения исторической памяти и мотивации. Системный подход позволил рассматривать процесс формирования интереса к локальной истории как совокупность взаимосвязанных факторов (когнитивных, эмоциональных, институциональных), а сравнительно-исторический метод – использовать данные аналогичных исследований для интерпретации полученных результатов.

Теоретическую базу исследования составили три взаимосвязанных блока.

1. Концепции коллективной и культурной памяти [15] (М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Нора [12; 16]), задающие рамки для анализа социального конструирования образов

[13] Ахмадова З. М., Кучмезов Р. А., Яндиева А. И. Формирование мотивов учебно-профессиональной деятельности студентов // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-4. – С. 15-18. URL: https://www.elibrary.ru/rxevso

[14] Леонтьева О. Б., Репина Л. П. "Мемориальный поворот" и "история памяти" в России // Историки в поисках новых перспектив / Институт всеобщей истории российской академии наук. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Аквилон", 2019. – С. 274-317. URL: https://elibrary.ru/esqudr

[15] Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с. – (Studia Historica). URL: https://elibrary.ru/qovtzj

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

прошлого и различения коммуникативной (семейные рассказы) и культурной (символы, памятники) памяти.

2. Теории идентичности [16] (Э. Смит, Дж. Гиллис, В. А. Тишков), позволяющие рассматривать локальную историю не как набор фактов, а как ресурс идентификационных процессов, формирующих чувство принадлежности.

3. Психологические теории мотивации (С. Л. Рубинштейн[17], а также современные исследования учебной мотивации [3; 5]), дающие инструментарий для оценки субъективной значимости исторического знания и различия между внешней (институциональной) и внутренней (личностно-эмоциональной) мотивацией.

Объектом исследования выступает историческая память и мотивационные установки студенческой молодежи, а предметом – соотношение личностно-эмоциональных и институциональных факторов, влияющих на интерес к изучению истории Омска у студентов негуманитарного профиля.

Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в ходе анонимного онлайн-анкетирования. Опрос проводился на платформе Yandex Forms в период с октября 2025 по март 2026 года. Целевая аудитория – студенты 1–2 курсов обучения ФГБОУ ВО «Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина». Критерием включения в выборку служило указание города Омска в качестве малой родины при заполнении анкеты. Общий объем выборки составил 268 человек, что обеспечивает репрезентативность для внутривузовского исследования и достаточную статистическую мощность для корреляционного анализа.

Город Омск представляет собой богатый и разнообразный материал для изучения региональной истории. Основанный в 1716 г. как крепость на южных рубежах государства, он пережил несколько эпохальных трансформаций: был административным центром Западной Сибири, столицей Белой России в 1918–1919 гг., местом ссылки Ф. М. Достоевского, важнейшим промышленным узлом в годы Великой Отечественной войны[18] [12]. Тем не менее остается открытым вопрос, насколько этот исторический багаж интегрирован в повседневное сознание современной студенческой молодежи и какие стимулы побуждают их к углубленному познанию.

Анкета включала 24 вопроса, сгруппированных в несколько смысловых блоков.

[16] Gillis J. R. (ed.) Commemorations: The Politics of National Identity. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 312 p. DOI: https://doi.org/10.1515/9780691186658

Smith A. D. National Identity. – London: Penguin Books, 1991. – 227 p. URL: https://archive.org/details/national-identity0000smit

Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр РАН "Издательство "Наука", 2003. – 544 с. URL: https://elibrary.ru/raoebn

Gillis J. R. (ed.) Commemorations: The Politics of National Identity. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 312 p. DOI: https://doi.org/10.1515/9780691186658

[17] Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии // Познание и переживание. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 7-28. URL: https://elibrary.ru/azxdqz DOI: https://doi.org/10.51217/cogexp_2024_05_03_01

[18] Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов – Новосибирск: ИД "Сова", 2005. – 196 с. URL: https://elibrary.ru/tgjwzn

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

• Социально-демографические характеристики (пол, длительность проживания в Омске, место рождения родителей).

• Источники знаний об истории Омска (множественный выбор из восьми вариантов).

• Узнаваемость ключевых исторических событий (шесть позиций + вариант «затрудняюсь»).

• Узнаваемость исторических личностей, связанных с Омском (восемь позиций + вариант «затрудняюсь»).

• Субъективная оценка исторической значимости города (трехпунктовая шкала) и выбор главного символа.

• Определение наиболее важных периодов для формирования облика города (выбор не более двух вариантов).

• Мотивационная готовность: «Хотели бы вы знать больше об истории родного края?» (варианты: «да», «нет», «затрудняюсь»).

• Уровень личного интереса к истории Омска (четырехпунктовая порядковая шкала: от «очень интересуюсь» до «совсем не интересуюсь»).

• Чувство личной связи с историей города (пятипунктовая шкала).

• Оценка достаточности внимания к краеведению в системе образования (варианты: «да», «нет», «затрудняюсь»).

Для обработки данных применялись три метода:

1) описательная статистика – расчет процентных распределений и средних значений для характеристики генеральной совокупности ответов и выявления общих тенденций;

2) коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ) – для проверки гипотез о взаимосвязях между мотивационной готовностью, личным интересом, чувством связи и оценкой образовательной среды. Выбор непараметрического критерия обусловлен порядковым характером большинства измеряемых переменных и отсутствием строгого нормального распределения в выборке (проверено по критерию Колмогорова – Смирнова, $p < 0,05$). Расчеты выполнены в пакете SPSS Statistics;

3) контент-анализ открытых вопросов – для уточнения качественных характеристик (например, при указании «других» источников или уточнении символов), что позволило дополнить количественные данные смысловыми нюансами и избежать субъективных интерпретаций.

Этические нормы соблюдены: участие в опросе было добровольным, респонденты информировались о целях исследования и гарантии анонимности, сбор данных не содержал персональных идентификаторов.

Результаты исследования

1. Социально-демографическая характеристика выборки.

Из 268 опрошенных 44,5 % родились и постоянно проживают в Омске. Еще 30,2 % живут в городе большую часть жизни, а 25,3 % переехали сравнительно недавно. При этом у 58,7 % респондентов родители или бабушки/дедушки также имеют омские корни. Таким образом, значительная часть выборки обладает довольно глубокой укорененностью в городской среде, что потенциально создает благоприятную почву для формирования устойчивого интереса к локальной истории. Влияние семьи подтверждается и на уровне источников знаний: 54,1 % опрошенных назвали рассказы родственников в числе основных каналов получения информации о прошлом города.

2. Источники знаний об истории Омска.

Распределение ответов (респонденты могли выбрать несколько вариантов) представлено в таблице 1.

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

Таблица 1

Источники знаний об истории Омска

Table 1

Sources of knowledge about the history of Omsk

Источник информации / Source of information	**Доля выбравших (%) / Percentage (%)**
Рассказы членов семьи / Family stories	54,1
Занятия в вузе / University classes	51,2
Книги, пресса, интернет-сайты / Books, press, websites	39,8
Музеи, выставки, экскурсии / Museums, exhibitions, excursions	34,7
Личные наблюдения, прогулки / Personal observations, walks	29,5
Социальные сети, паблики / Social networks, communities	27,3
Художественные фильмы, литература / Feature films, literature	19,2
Общение с друзьями / Communication with friends	17,6

Как видно из таблицы 1, семейный канал и вузовские дисциплины примерно равнозначны по важности. Это говорит о том, что формальное образование пока сохраняет свои позиции, однако не доминирует над неформальными источниками. Обращает на себя внимание сравнительно невысокая роль социальных сетей и дружеского общения – вопреки распространенному мнению о тотальной цифровизации молодежной коммуникации, в вопросах исторического познания традиционные институты продолжают играть ведущую роль.

3. Узнаваемость исторических событий.

Респондентам было предложено отметить, с какими периодами истории Омска они знакомы. Результаты отражены в таблице 2.

Таблица 2

Доля респондентов, знакомых с историческими событиями

Table 2

Share of respondents familiar with historical events

Событие / Event	**Доля (%) / Percentage (%)**
Основание Омской крепости (XVIII в.) / Foundation of the Omsk Fortress (18th c.)	85,1
Эвакуация предприятий в годы Великой Отечественной войны / Evacuation of enterprises during the Great Patriotic War	70,3
Омск как столица Белой России (1918–1919) / Omsk as the capital of White Russia (1918–1919)	64,7
Пребывание Ф. М. Достоевского в остроге / F. M. Dostoevsky’s stay in the prison	60,2
Омск как промышленный центр в советское время / Omsk as an industrial centre in the Soviet period	55,4
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	19,8

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

Наиболее «сильными» оказываются события, связанные либо с основанием города, либо с драматическими страницами войны и революции. Периоды мирного развития, напротив, остаются на периферии сознания. Эта избирательность заслуживает отдельного внимания: она свидетельствует о том, что историческая память студентов формируется преимущественно вокруг «экстремальных» точек прошлого, тогда как повседневная история XX в. оказывается менее освоенной.

4. Узнаваемость исторических личностей.

Список известных личностей, чья жизнь была связана с Омском, возглавляют Ф. М. Достоевский и А. В. Колчак (табл. 3).

Таблица 3

Доля респондентов, знакомых с историческими личностями

Table 3

Share of respondents familiar with historical figures

Личность / Figure	**Доля (%) / Percentage (%)**
Ф. М. Достоевский / F. M. Dostoevsky	80,3
А. В. Колчак / A. V. Kolchak	70,1
М. А. Врубель / M. A. Vrubel	50,2
Д. М. Карбышев / D. M. Karbyshev	45,3
К. П. Белов / K. P. Belov	24,8
Михаил Ульянов / Mikhail Ulyanov	19,5
Егор Летов / Yegor Letov	18,9
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	15,4

Интересен тот факт, что писатель и политический деятель существенно опережают по узнаваемости художников, актеров и музыкантов. Вероятно, это связано с тем, что их имена фигурируют в школьной программе (Ф. М. Достоевский) и в медийном дискурсе о Гражданской войне (А. В. Колчак). Омские художники, даже такие значимые, как М. А. Врубель и К. П. Белов, оказываются менее известными широкой аудитории.

5. Оценка исторической значимости и символическое восприятие.

Большинство опрошенных (72,4 %) оценивают историю Омска как значительно более богатую и уникальную по сравнению с другими сибирскими городами. Лишь 20,2 % считают ее примерно такой же, как у других, и только 7,4 % – беднее и менее интересной.

При этом главным историческим символом города абсолютное большинство (60,1 %) назвали Омскую крепость. Далее следуют Успенский кафедральный собор (12,3 %), памятник Ф. М. Достоевскому (8,2 %), а остальные объекты (пожарная каланча, особняк купца Батюшкова, Омский государственный академический театр драмы) набрали суммарно около 19 %.

При выборе наиболее значимых периодов для формирования облика города респонденты чаще всего указывали:

– основание и этап существования крепости (55,0 %),

– годы Великой Отечественной войны и эвакуации (50,1 %),

– советскую индустриализацию (39,8 %),

– послевоенное развитие (34,6 %),

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

– период «столичности» 1918–1919 гг. (25,2 %),

– постсоветский этап (9,8 %).

Таким образом, в сознании студентов закреплен преимущественно «героико-крепостной» нарратив, тогда как новейший период оценивается как менее значимый.

6. Мотивация, личный интерес, чувство связи и оценка образования.

Распределение ответов по четырем ключевым переменным представлено ниже.

Желание знать больше об истории родного края (рис. 1):

– Да – 72,9 %;

– Затрудняюсь – 18,4 %;

– Нет – 8,7 %.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы знать больше об истории родного края?»

Fig. 1. Distribution of responses to the question “Would you like to know more about the history of your native city?”

Уровень личного интереса (рис. 2):

– Очень интересуюсь, стараюсь узнать больше – 11,8 %;

– Интересуюсь время от времени – 53,6 %;

– Не особенно интересуюсь – 28,1 %;

– Совсем не интересуюсь – 6,5 %.

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

Рис. 2. Уровень личного интереса к истории Омска
Fig. 2. Level of personal interest in the history of Omsk

Чувство личной связи с историей Омска (рис. 3):

– Да, чувствую сильно – 14,7 %;
– Скорее да, чем нет – 37,7 %;
– Скорее нет, чем да – 19,4 %;
– Нет, не чувствую – 14,6 %;
– Затрудняюсь – 13,6 %.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы личную связь с историей Омска?»
Fig. 3. Distribution of responses to the question "Do you feel a personal connection with the history of Omsk?"

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

Оценка достаточности внимания к краеведению в системе образования (рис. 4):

– Да – 60,4 %;

– Затрудняюсь – 22,8 %;

– Нет – 16,8 %.

Рис. 4. Оценка достаточности внимания к краеведению в системе образования

Fig. 4. Assessment of the sufficiency of attention to local history in the education system

Обращает на себя внимание заметное расхождение между высоким уровнем декларируемой мотивации (почти три четверти опрошенных хотели бы знать больше) и скромной долей тех, кто действительно проявляет устойчивый интерес (лишь каждый восьмой). Этот разрыв требует отдельного осмысления.

7. Корреляционный анализ.

Для проверки гипотезы о связях между переменными был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Корреляционные связи между переменными

Table 4

Correlations between variables

Связь / Relationship	ρ Спирмена / Spearman's ρ	Уровень значимости / Significance level
Желание знать больше ↔ Личный интерес / Desire to know more ↔ Personal interest	0,65	$p < 0,01$
Желание знать больше ↔ Чувство связи / Desire to know more ↔ Sense of connection	0,58	$p < 0,01$
Желание знать больше ↔ Оценка образования / Desire to know more ↔ Assessment of education	0,25	$p < 0,05$
Личный интерес ↔ Чувство связи / Personal interest ↔ Sense of connection	0,71	$p < 0,01$
Личный интерес ↔ Оценка образования / Personal interest ↔ Assessment of education	0,52	$p < 0,01$

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

Наиболее тесная связь обнаружена между личным интересом и чувством сопричастности (ρ = 0,71). Это означает, что когнитивный и эмоциональный компоненты практически неразделимы: студенты, которые ощущают эмоциональную связь с городом, с высокой вероятностью проявляют и познавательный интерес. Желание знать больше сильно коррелирует как с интересом (ρ = 0,65), так и с чувством связи (ρ = 0,58), но значительно слабее – с оценкой образовательной среды (ρ = 0,25). При этом оценка образования все же связана с личным интересом (ρ = 0,52), что позволяет предположить: качество преподавания хотя и влияет на интерес, но само по себе не является гарантом роста мотивации к углубленному изучению.

Обобщающие выводы по результатам исследования следующие.

1. Исторические представления студентов характеризируются избирательностью: лучше всего освоены события «героического» или трагического звучания, в то время как периоды мирного развития остаются в тени.

2. Основные источники получения знаний – это семья и занятия в вузе, что свидетельствует о важности как неформального, так и институционального каналов.

3. Мотивационная готовность к изучению истории является высокой (почти три четверти хотели бы знать больше), вместе с тем реальный интерес довольно низок (лишь каждый восьмой проявляет активность). Этот разрыв трактуется как «латентная мотивация».

4. Корреляционный анализ позволил установить, что ключевые драйверы мотивации – это личный интерес и чувство эмоциональной связи, тогда как оценка образовательной среды оказывает более слабое влияние на мотивацию.

Обсуждение

Анализ полученных эмпирических данных подтверждает исходное предположение о том, что мотивация к изучению региональной истории в значительной степени детерминируется личностно-эмоциональными факторами, тогда как институциональные условия играют поддерживающую, но не определяющую роль. Этот вывод согласуется с результатами исследований учебной мотивации студентов негуманитарных специальностей (Е. С. Ермакова [3]; А. А. Никитина и Е. В. Павлова [5]), в которых также фиксируется доминирование внутренней мотивации над внешней в непрофильных дисциплинах. В то же время наши данные показывают, что оценка образовательной среды коррелирует с интересом (ρ = 0,52), что свидетельствует о возможности институционального влияния, однако его влияние на мотивацию к углубленному познанию существенно слабее (ρ = 0,25). Это расходится с некоторыми зарубежными работами, где образовательная среда рассматривается как ведущий фактор (например, Левеск и Крото (S. Lévesque, J.-P. Croteau [15]) подчеркивают роль учебных программ), и скорее подтверждает выводы Б. Ван Следрайта[19] о том, что формальные рамки редко трансформируются в личностные смыслы без дополнительных эмоциональных «якорей».

Особого внимания заслуживает феномен «латентной мотивации» – ситуация, когда 72,9 % респондентов заявляют о желании узнать больше, но лишь 11,8 % показывают устойчивый познавательный интерес. Данный разрыв не является статистическим артефактом, а отражает глубинное противоречие между ценностным признанием значимости

[19] Van Sledright B. A. The Challenge of Rethinking History Education: On Practices, Theories, and Policy. – New York: Routledge, 2020. – 264 p. URL: https://www.routledge.com/The-Challenge-of-Rethinking-History-Education-On-Practices-Theories-and-Policy/VanSledright/p/book/9780415873796

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

истории и отсутствием поведенческих стимулов. Подобное явление ранее описывалось в исследованиях региональной идентичности (Н. А. Ильинова с соавт.[20]; Е. А. Полякова и А. А. Сухарева [7]) как «пассивная идентификация», однако в контексте учебной мотивации оно практически не изучалось. Мы предполагаем, что существующие образовательные форматы воспринимаются студентами как достаточные для получения общей картины, но не побуждают к самостоятельному поиску. Это перекликается с критикой «героико-нарративного» подхода в историческом образовании (О. Б. Леонтьева и Л. П. Репина[21]; Сакки (I. Sakki [19]); Бентровато и Мойо (D. Bentrovato, N. Moyo [8])), когда акцент на драматических событиях формирует эмоциональный отклик, но не развивает исследовательских навыков и личной включенности.

Высокая узнаваемость событий, связанных с войной и революцией, и низкая – мирных периодов, согласуется с концепцией «культурной травмы» (B. A. Misztal[22]; A. Erll [10]) и «мест памяти» (Нора (P. Nora [16])). Однако, как показывают работы Конфино (A. Confino [9]) и Вертша (J. V. Wertsch [21]), такая избирательность может вести к упрощению исторического сознания. В связи с этим мы считаем необходимым целенаправленно включать в учебные программы сюжеты повседневности, экономического роста, культурного развития, чтобы избежать однобокости восприятия прошлого.

Сопоставление наших данных с исследованиями в других регионах (дель Кармен Мендес Гарсия и Корес-Бильбао (M. C. Méndez-García, E. Cores-Bilbao [11]) – о многоуровневой идентичности; Пернантах (Asril, Ahmal, Nurdiansyah, P. S. Pernantah [20]) – о возвращении локальной истории) показывает, что выявленные закономерности не являются сугубо локальными. Однако именно количественная фиксация вклада каждого фактора и выделение «латентной мотивации» как особого состояния составляет, на наш взгляд, основную новизну данной работы.

Практические рекомендации, вытекающие из проведенного анализа, могут быть сгруппированы по нескольким направлениям.

1. Персонализация и эмоционализация. Вместо абстрактных описаний XIX в. студентам можно предложить генеалогические изыскания, работу с семейными архивами, проекты по устной истории. Когда студент обнаруживает, что его прадед работал на эвакуированном заводе или что его улица названа в честь земляка, история перестает быть «чужой».

2. Выход за пределы аудитории: выездные занятия в музеях, архивах, на исторических объектах, встречи с краеведами и старожилами позволяют создать эффект присутствия и живого общения, который невозможно воспроизвести в лекционном формате (это поддерживается выводами Е. А. Поляковой и А. А. Сухаревой [7] о роли малых музеев).

[20] Ильинова Н. А., Киреева И. В., Куква Е. С., Шадже А. Ю. Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 173-176. URL: https://elibrary.ru/sbpsgg

[21] Леонтьева О. Б., Репина Л. П. "Мемориальный поворот" и "история памяти" в России // Историки в поисках новых перспектив / Институт всеобщей истории российской академии наук. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Аквилон", 2019. – С. 274-317. URL: https://elibrary.ru/esqudr

[22] Misztal B. A. Theories of Social Remembering. – Maidenhead: Open University Press, 2003. – 176 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/27247065_Theories_of_Social_Remembering

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

3. Проектно-исследовательская деятельность: разработка виртуальных экскурсий, исторических карт, мультимедийных альбомов, видеосюжетов – форматы, которые не только развивают исследовательские навыки, но и дают готовый продукт, который студент может предъявить как результат своего труда (в русле идей Н. С. Некрасовой[23] о краеведении как системообразующем факторе).

4. Работа с дискуссионными темами: включение в программу круглых столов, дебатов по сложным вопросам региональной истории (например, оценка деятельности Колчака, последствия коллективизации и индустриализации для Сибири) способствует развитию критического мышления и формированию самостоятельной позиции.

Эти рекомендации не являются абсолютно новыми, но их ценность – в опоре на конкретные эмпирические данные, полученные именно в данной образовательной среде.

Заключение

Проведенное исследование достигло поставленной цели и подтвердило, что личностно-эмоциональные факторы (личный интерес, чувство эмоциональной связи) играют ведущую роль в формировании мотивации к изучению локальной истории, тогда как институциональные условия (оценка образовательной среды) выполняют вспомогательную функцию. Зафиксирован феномен «латентной мотивации», требующий пересмотра педагогических подходов в сторону персонализации, эмоциональной насыщенности и проектно-исследовательских форматов. Включение в анализ всего спектра теоретических и эмпирических работ – от классических концепций памяти до современных исследований идентичности и мотивации – позволило не только обосновать актуальность проблемы, но и выявить ее недостаточно изученные аспекты. Практическая значимость работы состоит в разработке конкретных рекомендаций по переформатированию преподавания краеведения в аграрном вузе, которые могут быть экстраполированы на другие негуманитарные образовательные учреждения. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным качественным анализом мотивационных стратегий (интервью, фокус-группы) и разработкой экспериментальных методик, направленных на активизацию «латентной мотивации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышева Е. В., Азерникова И. П., Болибок Т. Ю. Развитие исторического образования в современной России: по материалам Национального форума преподавателей истории // История и архивы. – 2025. – № 4. – С. 92-104. URL: https://elibrary.ru/ulmagv DOI: https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-4-92-104
2. Блинова Т. Л., Квернадзе А. М. Активные методы обучения, способствующие формированию познавательного интереса // Актуальные вопросы преподавания математики, информатики и информационных технологий. – 2024. – № 3. – С. 40-44. URL: https://elibrary.ru/urrhea
3. Ермакова Е. С. Мотивация учебной деятельности и личностные характеристики студентов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2024. – № 2. –

[23] Некрасова Н. С. Краеведение как системообразующий образовательный фактор в формировании региональной идентичности / Н. С. Некрасова // Образование и качество жизни. – 2024. – № 2 (36). – С. 29-33. URL: https://elibrary.ru/miblcz

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

С. 270-287. URL: https://elibrary.ru/gbkxzw DOI: https://doi.org/10.35231/18186653_2024_2_270

4. Мерзлякова Т. Г., Глушкова С. И., Огоновская И. С. Об исторической памяти, региональной идентичности и будущем России (по итогам межрегиональной научно-практической конференции) // Вестник Гуманитарного университета. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 182-186. URL: https://elibrary.ru/gruags
5. Никитина А. А., Павлова Е. В. Психологическое своеобразие мотивации студентов, вовлеченных в различные виды деятельности: опыт трендового исследования // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 3 (152). – С. 240-249. URL: https://elibrary.ru/alvhlp DOI: https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.031
6. Новиков С. В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 31-41. URL: https://elibrary.ru/sfrtva DOI: https://doi.org/10.25206/2542-0488-2020-5-4-31-41
7. Полякова Е. А., Сухарева А. А. формирование региональной идентичности средствами малого музея // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. – 2023. – № 4 (38). – С. 36-44. URL: https://elibrary.ru/RVYYBG DOI: https://doi.org/10.32340/2949-2912-2023-4-36-44
8. Bentrovato D., Moyo N. Teachers' troubled interactions with prescribed school history and its national imaginaries: the case of post-Mugabe Zimbabwe // Research Papers in Education. – 2026. Vol. 41 (1). – P. 1-23. DOI: https://doi.org/10.1080/02671522.2025.2495110
9. Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // American Historical Review. – 1997. – Vol. 102 (5). – P. 1386-1403. URL: https://www.academia.edu/5800544/Collective_Memory_and_Cultural_History_Problems_of_Method DOI: https://doi.org/10.2307/2171069
10. Erll A. Memory in Culture. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – 209 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/316268845_Memory_in_Culture DOI: https://doi.org/10.1057/9780230321670
11. Méndez-García M. C., Cores-Bilbao E. State and Substate Dimensions of Andalusian University Students' Identity: Implications of Regional Schooling and Academic Mobility Experiences for a (Dis)harmonious Pattern of Identification // The International Journal of Diversity in Education, 2024, p. 159-187 DOI: https://doi.org/10.18848/2327-0020/CGP/V25I01/159-187
12. Halbwachs M., Coser L. A. On Collective Memory. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 254 p. DOI: https://doi.org/10.7208/chicago/9780226774497.001.0001
13. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. – 2002. – Vol. 41 (2). – P. 179-197. DOI: https://doi.org/10.1111/0018-2656.00198
14. Krawatzek F., Friess N. (eds.) Youth and Memory in Europe: Defining the Past, Shaping the Future. – Berlin: De Gruyter, 2021. – 280 p. URL: https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110733501/html DOI: https://doi.org/10.1515/9783110733501
15. Lévesque S., Croteau J.-P. Beyond History for Historical Consciousness: Students, Narrative, and Memory. – Toronto: University of Toronto Press, 2020. – 216 p. URL: https://utorontopress.com/9781487506173/beyond-history-for-historical-consciousness/ DOI: https://doi.org/10.3138/9781487534783
16. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. – 1989. – No. 26. – P. 7-24. DOI: https://doi.org/10.2307/2928520

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

17. Moscovitz H. Between nationalism and regionalism: Higher education policy and national/regional identity in Quebec and Wallonia // Nations and Nationalism. – 2020. – Vol. 26 (3). – P. 708–726. DOI: https://doi.org/10.1111/nana.12612
18. Popa N. Operationalizing Historical Consciousness: A Review and Synthesis of the Literature on Meaning Making in Historical Learning // Review of Educational Research. – 2022. – Vol. 92 (2). – P. 171-208. URL: https://elibrary.ru/lpihrd DOI: https://doi.org/10.3102/00346543211052333
19. Sakki I. Collective Memory and History Textbooks // Current Opinion in Psychology. 2025. DOI: https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2025.102073
20. Asril, Ahmal, Nurdiansyah, Pernantah P. S. Reclaiming Local History for the Development of Historical Consciousness // Jurnal Ilmiah Pendidikan Profesi Guru. – 2025. – Vol. 8 (2). – P. 350-362. DOI: https://doi.org/10.23887/jippg.v8i2.102774
21. Wertsch J. V. Voices of Collective Remembering. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 202 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511613715

Поступила: 12 июля 2026 Принята: 2 сентября 2026 Опубликована: 31 октября 2026

Заявленный вклад авторов:

Вклад автора в сбор эмпирического материала представленного исследования, обработку данных и написание текста статьи полноценный.

Автор ознакомился с результатами работы и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о конфликте интересов:

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи

Информация об авторе

Фрик Ольга Владимировна
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии, истории, экономической теории и права,
экономический факультет,
Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина,
Институтская площадь, д. 1, 644008, г. Омск, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5461-410X
SPIN-код: 2107-3750
E-mail: ov.frik@omgau.org

© 2011–2026 Science for Education Today Все права защищены

Science for Education Today

2026, vol. 16, issue 5 http://en.sciforedu.ru/ ISSN 2658-6762

DOI: 10.15293/2658-6762.2605.05 Research Full Article / Article language: Russian

Historical memory, regional identity, and motivation to study local history: An empirical study

Olga V. Frik [1]

[1] Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

Abstract

Introduction. *The main problem is that there are limited studies on the relationship between personal-emotional and institutional factors determining motivation to study local history among non-humanities undergraduates. The aim of the research is to identify the structure of historical perceptions, sources of knowledge, and motivational factors determining interest in the local history and the specifics of regional identity.*

Materials and Methods. *An anonymous online survey was conducted on the Yandex Forms platform (October 2025 — March 2026). A total of 268 first- and second-year students of Omsk State Agrarian University who identified Omsk as their hometown participated. Descriptive statistics, Spearman's rank correlation analysis, and content analysis were applied.*

Results. *72.9% of respondents would like to expand their knowledge of the city's history, whereas only 11.8% of the participants demonstrate sustained personal interest. The main sources of information include family (54.1%) and university classes (51.2%). The most recognizable events include building the Omsk Fortress (85.1%) and the evacuation of industrial enterprises during the Great Patriotic War (70.3%); among historical figures, F.M. Dostoevsky (80.3%) and A.V. Kolchak (70.1%) lead. The main symbol is the Omsk Fortress (60.1%). Correlation analysis revealed strong positive relationships between the desire to deepen knowledge and personal interest ($\rho=0.65$, $p<0.01$), as well as a sense of personal involvement ($\rho=0.58$, $p<0.01$). The assessment of the educational environment correlates with interest ($\rho=0.52$, $p<0.01$), but the correlation with motivation to learn is significantly weaker ($\rho=0.25$, $p<0.05$).*

Conclusions. *Personal-emotional factors play a leading role in motivation, while institutional factors play a supporting role. The phenomenon of 'latent motivation' was revealed: students declare readiness to learn new things but do not show initiative. Practical steps are proposed to restructure local history teaching towards personalisation, emotional engagement, and project-research formats.*

Keywords

Historical memory; Regional identity; Motivation; Local history; Students; Agrarian university; Omsk; Correlation analysis; Educational environment; Personal interest.

For citation

Frik O. V. Historical memory, regional identity, and motivation to study local history: An empirical study. *Science for Education Today*, 2026, vol. 16 (5), pp. 87–106. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2605.05

Corresponding Author: Olga V. Frik, ov.frik@omgau.org

© Olga V. Frik, 2026

© 2011–2026 Science for Education Today **All rights reserved**

REFERENCES

1. Barysheva E. V., Azernikova I. P., Bolibok T. Yu. Development of historical education in contemporary Russia. Based on the materials of the national forum for history teachers. *History and Archives*, 2025, no. 4, pp. 92–104. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/ulmagv DOI: https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-4-92-104
2. Blinova T. L., Kvernadze A. M. Active learning methods that contribute to the formation of cognitive interest. *Current Issues of Teaching Mathematics, Informatics and Information Technologies*, 2024, no. 3, pp. 40–44. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/urrhea
3. Ermakova E. S. Motivation of educational activities and personal characteristics of students. *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2024, no. 2, pp. 270–287. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/gbkxzw DOI: https://doi.org/10.35231/18186653_2024_2_270
4. Merzlyakova T. G., Glushkova S. I., Ogonovskaya I. S. On historical memory, regional identity and the future of Russia (following the findings of the interregional scientific-practical conference). *Bulletin of the University of Humanities*, 2024, vol. 12 (4), pp. 182–186. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/gruags
5. Nikitina A. A., Pavlova E. V. Psychological peculiarities of the motivation of students involved in various activities: The experience of trend research. *Kazan Pedagogical Journal*, 2022, no. 3 (152), pp. 240–249. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/alvhlp DOI: https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.153.3.031
6. Novikov S. V. Admiral Kolchak in Omsk: on history of civil war in Russia and geopolitical redistribution of Europe after first world war. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2020, vol. 5 (4), pp. 31–41. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/sfrtva DOI: https://doi.org/10.25206/2542-0488-2020-5-4-31-41
7. Polyakova E. A., Suhareva A. A. Formation of regional identity by means of a small museum. *Topical Issues of Culture, Art, Education*, 2023, no. 4 (38), pp. 36–44. (In Russian) URL: https://elibrary.ru/rvyybg DOI: https://doi.org/10.32340/2949-2912-2023-4-36-44
8. Bentrovato D., Moyo N. Teachers' troubled interactions with prescribed school history and its national imaginaries: the case of post-Mugabe Zimbabwe. *Research Papers in Education*, 2026, vol. 41 (1), pp. 1–23. DOI: https://doi.org/10.1080/02671522.2025.2495110
9. Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. American Historical Review, 1997, vol. 102 (5), pp. 1386–1403. DOI: https://doi.org/10.2307/2171069
10. Erll A. Memory in Culture. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. ix, 209 p. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230321670
11. Méndez-García M. C., Cores-Bilbao E. State and substate dimensions of Andalusian university students' identity: implications of regional schooling and academic mobility experiences for a (dis)harmonious pattern of identification. *The International Journal of Diversity in Education*, 2024, vol. 25 (1), pp. 159–187. DOI: https://doi.org/10.18848/2327-0020/CGP/V25I01/159-187
12. Halbwachs M., Coser, L. A. On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 254 p. DOI: https://doi.org/10.7208/chicago/9780226774497.001.0001
13. Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*, 2002, vol. 41 (2), pp. 179–197. DOI: https://doi.org/10.1111/0018-2656.00198
14. Krawatzek F., Friess N. (eds.) Youth and Memory in Europe: Defining the Past, Shaping the Future. Berlin: De Gruyter, 2022. xvi, 390 p. URL:

© 2011–2026 Science for Education Today All rights reserved

https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110733501/html DOI: https://doi.org/10.1515/9783110733501

15. Lévesque S., Croteau J.-P. Beyond History for Historical Consciousness: Students, Narrative, and Memory. Toronto: University of Toronto Press, 2020. 216 p. URL: https://utorontopress.com/9781487506173/beyond-history-for-historical-consciousness/ DOI: https://doi.org/10.3138/9781487534783
16. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. Representations, 1989, no. 26, pp. 7–24. DOI: https://doi.org/10.2307/2928520
17. Moscovitz H. Between nationalism and regionalism: Higher education policy and national/regional identity in Quebec and Wallonia. *Nations and Nationalism*, 2020, vol. 26 (3), pp. 708–726. DOI: https://doi.org/10.1111/nana.12612
18. Popa N. Operationalizing historical consciousness: A review and synthesis of the literature on meaning making in historical learning. *Review of Educational Research*, 2022, vol. 92 (2), pp. 171–208. URL: https://elibrary.ru/lpihrd DOI: https://doi.org/10.3102/00346543211052333
19. Sakki I. Collective Memory and history textbooks. *Current Opinion in Psychology*, 2025. DOI: https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2025.102073
20. Asril, Ahmal, Nurdiansyah, Pernantah P. S. Reclaiming local history for the development of historical consciousness. *Jurnal Ilmiah Pendidikan Profesi Guru*, 2025, vol. 8 (2), pp. 350–362. DOI: https://doi.org/10.23887/jippg.v8i2.102774
21. Wertsch J. V. Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 202 p. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511613715

Submitted: 12 July 2026 Accepted: 2 September 2026 Published: 31 October 2026

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

The authors' stated contribution:

The contribution of author to the collection of empirical material of the presented research, data processing and writing of the text of the article is equivalent.

Author reviewed the results of the work and approved the final version of the manuscript.

Information about competitive interests:

The author declare no apparent or potential conflicts of interest in connection with the publication of this article

© 2011–2026 Science for Education Today All rights reserved

Information about the Author

Olga Vladimirovna Frik
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy, History, Economic Theory and Law,
Faculty of Economics,
Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin,
Institute Square, Building 1, 644008, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5461-410X
E-mail: ov.frik@omgau.org

© 2011–2026 Science for Education Today All rights reserved